

УДК 342.72/73

Сущность принципа правовой определенности: в поисках конституционно-правового смысла

Д. С. Велиева, М. В. Пресняков

Велиева Джамиля Сейфаддиновна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, ya.wds05@yandex.ru

Пресняков Михаил Вячеславович, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, presnykov1972@yandex.ru

Введение. В статье анализируется принцип правовой определенности с позиции той роли или функции, которую он выполняет в правовой системе. **Теоретический анализ.** В статье отмечается, что категория «правовая определенность» принципиально не сводима к понятию «определенность права», поскольку относится не только к системе права, но и к правовой системе в целом. По мнению авторов, понятие «правовая определенность» выражает состояние определенности правового регулирования реально существующих общественных отношений и в этом смысле охватывает не только требования ясности, определенности и согласованности правовых норм, но и определенность фактического правового статуса субъектов права. Именно права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов. Право же представляет собой инструмент, обеспечивающий состояние правовой определенности регулируемых им общественных отношений. **Результаты.** На основе изложенного делается вывод, что правовая определенность, которая в данном контексте представляет собой именно фактический аспект воздействия права на существующие общественные отношения, действительно характеризует «не правовые» или не совсем правовые явления. Содержательный аспект правовой определенности связан не столько с определенностью правовых предписаний, сколько с выявлением действительного смысла субъективного права, объема входящих в него правомочий, пределов его осуществления и т.п. Принцип же правовой определенности выражается через систему юридических инструментов, позволяющих обеспечить, во-первых, предметную определенность правового статуса человека и гражданина и, во-вторых, необходимую стабильность данного статуса при изменении текущего законодательства.

Ключевые слова: правовая определенность, определенность права, принцип правовой определенности, правовой статус.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-302-309>

Введение

В последние годы принцип правовой определенности является предметом оживленных научных дискуссий на страницах юридической

литературы. При этом, как мы уже отмечали в других работах [1], содержательные характеристики данного требования, предъявляемого к праву, охватывают значительный диапазон самых разноплановых императивов, что затрудняет его идентификацию в качестве «принципа-нормы», т.е. посредством единой нормативной формулы данного принципа. Кстати, нужно заметить, что разноплановый и разнонаправленный характер требований правовой определенности отмечается практически всеми исследователями данного вопроса. Так, например, И. С. Дикарев в своей монографии «Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе» отмечает: «Содержание принципа правовой определенности образует система элементов, которые в обобщенном виде могут быть представлены следующим образом: 1) стабильность правового регулирования; 2) осведомленность гражданина относительно действующих законов и подзаконных нормативных актов, а также правоприменительных решений, затрагивающих его права и законные интересы; 3) ясность, недвусмысленность и согласованность правовых норм, правоприменительных решений; 4) единообразное применение закона (в том числе единство судебной практики); 5) стабильность правоприменительных решений; 6) исполнимость судебных решений» [2, с. 5].

С критикой данной позиции, как и всех иных точек зрения, рассматривающих правовую определенность как элемент не только системы права, но и правовой системы, выступил В. В. Ершов, по мнению которого подобный подход «искусственно интегрирует» право и неправое: «с одной стороны, “правовые нормы” и “законы”; с другой стороны – “осведомленность гражданина относительно действующих законов и подзаконных нормативных актов”, “правоприменительные решения”, “единообразное применение закона, в том числе единство судебной практики”, “стабильность правоприменительных решений” и “исполнимость судебных решений”» [3, с. 34].

Профессор В. В. Ершов вообще находит категорию «правовая определенность» (как и принцип правовой определенности) «теоретически дискуссионным» и «практически контрпродуктивным», полагает «теоретически

обоснованным, а практически необходимым» использование понятия «определенность права» «как категории, “наиболее достоверной из всех”, объективно характеризующей качественное состояние права, а не других социальных явлений, в том числе позволяющей разграничить право и неправу» [3, с. 34]. С этой позиции жесткого разграничения права и «не права» он отвергает предлагаемые различными исследователями категории определенности «качества и эффективности правоприменительной деятельности», «определенности и стабильности судебного решения», «ясности порядка применения правовых норм», «уверенности в окончательности результата правоприменительной деятельности» и т.п.

В рамках данной работы планируется анализ именно сущности принципа правовой определенности как элемента правовой системы, а не его содержательных характеристик. Другими словами, речь будет идти о том, какую функциональную роль он выполняет в правовой системе и как взаимодействует с правом и иными явлениями правовой действительности. Содержательные же характеристики правовой определенности представляют собой настолько разноплановые характеристики и императивы, что, безусловно, нуждаются в отдельном и гораздо более объемном исследовании. И хотя мы принимаем «упрек» М. В. Сидоренко, что «назначение доктрины как раз и заключается в том, чтобы дать разумное и желательное операциональное объяснение каждому из элементов и явлений непосредственного предмета познания, ... а не в том, чтобы апеллировать к “затруднительности” и “эклектике”, предложенным к анализу сложных явлений», но в задачу данной работы анализ данных характеристик не входит [4, с. 45].

Теоретический анализ

Следует согласиться, что правовая определенность – семантически более широкое понятие, чем определенность права, уже потому, что оно охватывает не только собственно позитивное право, но и как минимум результат его применения. Однако это еще не причина для отказа от этой категории или ее «вынесения за скобки» правовой реальности. С тем же успехом можно объявить неправовой, например, категорию законности, ведь она также в значительной степени детерминирует именно применение права. Поэтому обсуждение функциональной роли принципа правовой определенности, на наш взгляд, имеет смысл с позиции его места и значения именно в правовой системе, а не в системе права. Мы не придерживаемся позитивистских («новопозитивистских») подходов, согласно которым

все, что не является непосредственным регулятором общественных отношений, объявляется «не правом» и «изгоняется» из сферы правовой действительности. Собственно, с этих позиций о правовой определенности как о чем-то отличном от определенности самого позитивного права говорить вообще бессмысленно.

Семантика понятия «определенность права» является самоочевидной, если, конечно, имеется консенсус в вопросе, что следует понимать под правом. В наиболее простом и очевидном понимании она сводится к ясности и недвусмысленности правовых предписаний, а также их системной согласованности. Категория же «правовая определенность» не просто является более широкой по отношению к понятию «определенность права», но и, безусловно, содержит в себе интенцию к выходу за рамки собственно позитивного права.

Кроме того, ранее мы отмечали принципиально атрибутивную характеристику категории «правовая определенность» как определенности чего-либо [5]. Действительно, когда мы говорим о правовой определенности, то имеем в виду некий атрибут, относящийся к какому-либо объекту. Другими словами, в отличие от категории «определенность права», которая уже содержит связь атрибута (определенность) и объекта (право), понятие «правовая определенность» требует указания чего-либо или кого-либо, свойства которого оно характеризует. Не может существовать «правовой определенности» самой по себе, в качестве платоновской идеи (эйдоса). Существует лишь правовая определенность чего-то или кого-то. Причем если мы говорим о правовой определенности, т.е. определенности с точки зрения права, то подобный объект сам по себе с очевидностью находится за пределами системы позитивного права, но испытывает на себе его воздействие. Но право как социальный регулятор может воздействовать лишь на поведение человека или, как принято говорить в юридической доктрине, на определенные общественные отношения. Соответственно, указанные отношения и являются предметом оценки с позиции их правовой определенности.

Как справедливо отмечает П. А. Гук: «Определенность и неопределенность (норм) права... это статика права (нормы), состояние права, которое закреплено в юридических актах, а правовая определенность и неопределенность – динамика права, его (ее) применение уполномоченными органами, развитие права, толкование, конкретизация норм права, определяющие его движение от неопределенности к определенности (или от формальной определенности к определенности конкретного случаю, факту) нормы права» [6, с. 185].

В рамках другой работы мы уже предпринимали попытку выделить формальную и фактическую или материальную сторону определенности в праве [7]. Как представляется, категория «определенность права» представляет собой формально-юридический аспект данного качества или свойства, а «правовая определенность» выражает фактическую сторону, которая характеризует не только и не столько собственно правовые предписания, но состояние определенности правового регулирования реальных общественных отношений.

С этой позиции категория «правовая определенность» представляется избыточной исключительно в рамках позитивистского подхода, поскольку применение права с данных позиций укладывается в двоичный код «правильного» (законного, обоснованного) или «неправильного» правоприменения. И даже признание значимости толкования правовых норм в процессе их применения не меняет ситуации, поскольку последнее также находится между полюсами «правильного» (логичного, системного, обоснованного и т.п.) и «неправильного» выявления смысла правовых предписаний. Представляется, что именно это обуславливает неприятие некоторыми учеными, стоящими на пропозитивистских позициях, термина «усмотрение», предлагающих взамен понятие «индивидуализация» правоприменения.

В этой связи, безусловно, следует согласиться с Н. И. Власенко, что совершенно «неприемлемо, когда речь идет об оценке неопределенности только как дефекта права, о достижении определенности как самоцели в нормотворческой деятельности» [8, с. 53]. «Нет сомнения и в том, что целью праворегулирования выступает достижение определенности прав и обязанностей» [8, с. 63].

Но вот с чем можно здесь согласиться, так это с тем, что «правовая определенность» как некое свойство или качество результата воздействия правовых норм на систему общественных отношений не принадлежит целиком к системе позитивного права или отчасти является «не правом». Между правовой определенностью в высказанном здесь понимании и определенностью права как имманентной характеристикой системы позитивного права существует телеологическая связь, где фактическая определенность выступает целью и результатом регулирующего воздействия правовых предписаний. «В процессе применения норм права ... посредством принципа правовой определенности, формируется определенность нормы права к конкретным случаям, фактам. Вышесказанное позволяет отметить, что определенность права (нормы права), реализуется с помощью принципа правовой определенности» [6, с. 186].

Право выступает социальным регулятором, а поэтому имеет смысл только по отношению к человеку. Вне человека право представляет собой мертвый и бессмысленный левиафан. Именно об этом говорит ст. 18 Конституции РФ [9], согласно которой именно права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов. Потенциал этого конституционного положения огромен и, наверное, никогда не будет исчерпан полностью. Применительно к теме настоящего обсуждения это означает, что именно потребность в определенности правового статуса человека и гражданина диктует те требования, которые предъявляются к позитивному праву и которые мы можем определить через категорию «определенность права».

Кстати, любопытно, что великий русский ученый Иосиф Алексеевич Покровский, на работы которого принято ссылаться (по делу и без) всегда, когда речь заходит о проблемах правовой определенности, саму необходимость существования этой определенности видел в достижении определенности правового статуса человека. «Индивид, поставленный лицом к лицу с обществом, государством, имеет право требовать, чтобы ему было этим последним точно указано, чего от него хотят и какие рамки ему ставят. Логически это право на определенность правовых норм есть одно из самых неотъемлемых прав человеческой личности, какое только себе можно представить; без него, в сущности, вообще ни о каком “праве” не может быть речи» [10, с. 89].

Как нам представляется, эту же сущностную связь определенности права и «определенности прав» (правового статуса) отмечает и Конституционный Суд Российской Федерации, когда говорит о том, что осуществляемое законодателем правовое регулирование должно обеспечивать ожидания граждан в отношении уважения приобретенных ими прав и неизменности их правового статуса. Таким образом, определенность правового статуса человека и гражданина выступает (в полном соответствии с максимой ст. 18 Основного закона) важнейшей детерминантой не только правоприменительной, но и правотворческой деятельности.

Нужно сказать, что выделенный смысл категории «правовая определенность» особенно рельефно проявляется в конституционном праве. Если отвлечься от доктринальных и в какой-то степени схоластических конструкций «чистой» теории права и обратиться к конституционным положениям, то проблематика правовой определенности становится совершенно «прозрачной».

В. М. Шафиров, анализируя категорию правовой определенности с позиции конститу-

ционного правопонимания, совершенно верно отмечает, что «сложившийся в общественном, юридическом сознании стереотип о том, что само право, обусловленные им правовые явления должны, в первую очередь, рассматриваться через призму формальной определенности, вряд ли конструктивен» [11, с. 273–274]. Рассматривая Конституцию Российской Федерации (по крайней мере, две ее первые главы) как «человекоцентристскую» модель права в его «неформальном», содержательном смысле, он приходит к выводу, что «элементами содержания права являются не формальные юридические нормы, а закрепленные в них права, свободы и обязанности», а «право обладает не формальной определенностью, а определенностью его содержания (прав, свобод и обязанностей)» [11, с. 265].

Выше мы уже обозначили принципиальное согласие с тезисом, что категория «правовая определенность» относится к «не праву» или, что будет точнее, применима в отношении не только правовых явлений, характеризует не только право само по себе. Однако подобная определенность создается или обеспечивается с помощью реализации именно правовых предписаний, и именно поэтому она и характеризуется как «правовая». Совокупность таких предписаний и образует нормативное содержание принципа правовой определенности.

Здесь можно провести определенную параллель с принципом законности: результат воздействия данного принципа на существующую систему общественных отношений обычно характеризуется через категорию «правопорядок». Между тем правопорядок как состояние фактической упорядоченности и организованности общественной жизни, основанных на праве и законности, очевидно, также представляет собой «не право». Однако мало кто осмелится утверждать, что принцип законности содержательно отсутствует в действующей системе правового регулирования.

Также безусловно, что правовая определенность во многом находится в тесной зависимости от качества определенности права как имманентной характеристики системы права: ясности и недвусмысленности правовых норм, их системной согласованности и т.п. Однако подобного рода формально-юридические требования, предъявляемые к позитивному праву, на наш взгляд, являются лишь необходимыми, но не достаточными критериями правовой определенности.

Если под правовой определенностью понимать качество определенности общественных отношений, которые испытывают на себе воздействие правовых норм, т.е. правоотношений,

то необходимо будет согласиться, что проблема правовой определенности редуцируется к вопросам определенности правового статуса, поскольку именно субъективные права и обязанности и составляют содержание правоотношений. По нашему мнению, это и есть действительный конституционный смысл принципа правовой определенности, который иногда интерпретируется Конституционным Судом РФ как «принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства», предполагающий ответственность последнего «за качество принимаемых решений, сохранение присущей природе законодательных актов разумной стабильности правового регулирования, обеспечение надлежащей правовой определенности, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, предсказуемость законодательной политики в социальной сфере» [12].

Конкретные же императивы, которые в научной литературе зачастую рассматриваются в качестве принципа правовой определенности («*res judicata*» или «*non bis in idem*»), представляют собой «проекции» данного принципа на определенную сферу общественных отношений. Так, например, А. О. Манташян в этой связи отмечает, что «правовая определенность – это такое начало гражданского процесса, в соответствии с которым не допускается пересмотр вступивших в законную силу решений суда без наличия на то необходимых оснований» [13, с. 18]. Нужно сказать, что подобное понимание правовой определенности весьма характерно для ученых-процессуалистов [14, 15, 16] и обусловлено динамикой фактологического материала – рядом громких дел, рассмотренных Европейским судом по правам человека, а также Конституционным Судом РФ. Между тем речь здесь идет о выражении более общего принципа правовой определенности в известном еще со времен римского права операциональном и утилитарном императиве *res judicata* (разрешенное дело), который означает, что окончательное решение полномочного суда, вступившее в силу, является обязательным для сторон спора и не может быть пересмотрено.

Н. Н. Ковтун и А. А. Зорин в своей работе «Принцип правовой определенности в системе правовых позиций и итоговых выводов Конституционного суда РФ» приходят к выводу, что «правило *non bis in idem* в процессуальном плане отчасти совпадает с принципом стабильности судебного акта, вступившего в законную силу, а потому также является содержательным элементом принципа правовой определенности» [17, с. 146]. При этом авторы выделяют смысл данного правила как в процессуальном, так и в

материальном плане. В материальном аспекте требование *non bis in idem* означает запрет квалификации одного преступного деяния сразу по нескольким статьям уголовного закона, что, по сути, на наш взгляд, также является «частным» выражением принципа определенности правового статуса человека и гражданина.

Результаты

Подводя некоторый итог сказанному выше, отметим, что правовая определенность, которая в данном контексте представляет собой именно фактический аспект, действительно характеризует «не правовые» или не совсем правовые явления. Однако право как социальный регулятор представляет собой не какую-то «эйдетическую» ценность, «вещь в себе», а приобретает свой социальный смысл, социокультурное предназначение только в приложении к реальным общественным отношениям, которые оно регулирует. Поэтому «правовая определенность» как определенность фактического положения индивида (или, говоря юридически, определенность его правового статуса) и является истинной и конечной целью воздействия правовых предписаний на систему общественных отношений. Определенность же права с этой точки зрения выступает средством или способом обеспечения фактической правовой определенности. Телеологически требования определенности и ясности правовых норм, их системной согласованности и т.п. призваны обеспечить определенность прав, свобод и обязанностей, составляющих правовой статус человека и гражданина.

В этом смысле содержательный аспект правовой определенности связан не столько с определенностью правовых предписаний, сколько с выявлением действительного смысла субъективного права, объема входящих в него правомочий, пределов его осуществления и т.п. Причем, повторимся, эти содержательные характеристики прав не могут являться результатом дискреции законодателя по печально известному принципу «закон есть закон», поскольку именно они и должны выступать граничными условиями такой деятельности законодателя, определяющими его усмотрение.

Отсюда и предназначение принципа правовой определенности как некоторого набора правовых средств, приемов и правил, при помощи которых достигается фактическая определенность урегулированных правом отношений. В рамках другой работы мы обстоятельно обосновывали свою позицию относительно природы основных принципов права как эмерджентных характеристик правовой системы. Безусловно, и

принцип правовой определенности также выполняет аналогичные функции (мы рассматривали его как одну из составляющих более общего принципа – принципа справедливости) [18]. В данном случае правовая определенность рассматривалась нами как один из императивов принципа справедливости «коммутативного» характера. Впрочем, мы и сейчас совсем не отказываемся от подобного «прочтения» требования правовой определенности, поскольку «самоидентичность» права как в семантическом смысле (проявлением которой являются ясность и определенность правовой нормы, включая ее содержательные характеристики), так и в динамике позитивного законодательства, по нашему мнению, является одной из важнейших характеристик права как «равной меры», что и является наиболее кратким выражением принципа справедливости в юриспруденции.

Однако наряду с этой «внутрисистемной» функцией принципа правовой определенности можно выделить и его «инструментальную» характеристику. Принципы права не только действуют, но и применяются. Продолжая нашу параллель с принципом законности, легко заметить, что, с одной стороны, он выступает в качестве внутрисистемной характеристики права, критерия дифференциации и упорядочения правовых предписаний в зависимости от их юридической силы, с другой же – является важнейшей детерминантой правоприменительной деятельности (законность приговора или судебного решения и т.п.).

Точно так же принцип правовой определенности представляет собой инструмент, при помощи которого достигается состояние фактической определенности возникающих на основе правовых норм правоотношений. Существующие правовые системы располагают для этого весьма обширным инструментарием. Например, закрепление исковых сроков, сроков давности привлечения к ответственности и др. Другой пример – законодательное закрепление (в некоторых отраслях права) возможности использования аналогии закона и аналогии права.

Кстати, два приведенных выше примера выражают две генеральные линии действия принципа правовой определенности. Во-первых, данный принцип должен обеспечивать предметную аутентичность правового статуса лица, которая выражается в конкретно-содержательной определенности прав и обязанностей его составляющих. Однако, по нашему мнению, которое мы уже неоднократно высказывали, на практике невозможно исчерпывающим образом законодательно определить полный «набор»

прав и обязанностей. В этой связи предельно обобщенное выражение подобной «предметной» определенности правового статуса человека и гражданина представляет собой правило «разрешено все, что не запрещено», а в отношении государства, его органов и должностных лиц – обратное, т.е. «запрещено все, что прямо не разрешено». Сочетание данных правил прекрасно «работает» столетия, но преимущественно в отношении естественных прав, которые сами по себе являются «онтологически определенными». Однако когда речь заходит об «октроированных» правах, не только социальных, но всех, которые требуют «встречного предоставления», дело осложняется. И вот здесь на помощь могут прийти правила аналогии закона и аналогии права, которые в ситуации недостаточности правовых предписаний, неурегулированности тех или иных общественных отношений выступают в качестве средства обеспечения, пусть и недостаточной, но необходимой правовой определенности статуса человека и гражданина. Представляется, что с этой же целью законодателем вводятся в правовую систему различного рода презумпции и фикции, позволяющие достигать необходимой правовой определенности на основе недоказанных или даже недостоверных фактов.

Во-вторых, не менее интересна и другая составляющая принципа определенности, которая, по сути, заключается в обеспечении стабильности правового статуса и правовых отношений. В данном случае речь идет не о предметной, а о динамической или темпоральной составляющей правовой определенности. В ее основе можно назвать такие фундаментальные правила, как отсутствие обратной силы нормативного акта, недопустимость поворота к худшему и др. Специальный инструментарий динамической правовой определенности, как уже говорилось выше, составляют предусмотренные позитивным законодательством различного рода пресекательные сроки реализации прав или, напротив, привлечения к юридической ответственности.

Но, повторимся, в любом случае именно определенность прав, а не определенность права как такового, является целью регулирующего воздействия. Кстати, этот момент исчерпывающе ясно и четко выражен в Конституции Российской Федерации. Так, в ст. 2 в качестве важнейшей основы конституционного строя закрепляется положение, согласно которому человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Права эти неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ст. 17) [9]. А вот обязанностью государства является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Заметим, не

предоставление, а лишь признание, поскольку именно права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов (ст. 18) [9]. Как нам представляется, этот конституционный подход выражается в том, что права и свободы не конструируются государством посредством правовых предписаний, но, напротив, определяют содержание деятельности как законодательной власти, так и правоприменителя.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Конституционный принцип правовой определенности в механизме реализации прав и свобод человека» № 19-011-00418 А).

Список литературы

1. Пресняков М. В. Правовая определенность и принцип разумной сдержанности законодателя : проблема формальной и материальной правовой определенности // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 3–6.
2. Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2015. 175 с.
3. Еришов В. В. Парные категории «определенность права» и «неопределенность права» // Определенность и неопределенность права как парные категории : проблемы теории и практики : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. М. : РГУП, 2018. Ч. I. С. 12–42.
4. Сидоренко М. В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2017. 557 с.
5. Пресняков М. В. Правовая определенность : формальный и материальный аспекты // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 669–674.
6. Гук П. А. Преодоление неопределенности норм права // Определенность и неопределенность права как парные категории : проблемы теории и практики : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. М. : РГУП, 2018. Ч. I. С. 182–186.
7. Пресняков М. В. Правовая определенность и определенность прав в современном конституционно-правовом дискурсе // Гражданин и право. 2014. № 4. С. 3–16.
8. Власенко Н. И. Методологическая результативность исследования определенности права // Определенность и неопределенность права как парные категории : проблемы теории и практики : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. М. : РГУП, 2018. Ч. I. С. 57–63.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом

- поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
10. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 1998. 353 с.
 11. Шафиров В. М. Содержательная и формальная определенность в праве // Определенность и неопределенность права как парные категории : проблемы теории и практики : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. М. : РГУП, 2018. Ч. I. С. 260–274.
 12. По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1 Закона Ставропольского края «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Ставропольского края» в связи с жалобой гражданки М. С. Колесниковой : постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 № 13-П. Доступ из справ.правовой системы «Консультант-Плюс».
 13. Мантяян А. О. Принцип определенности в современном гражданском процессе // Мировой судья. 2011. № 5. С. 18–20.
 14. Султанов А. Р. Правовая определенность и судебное нормотворчество // Законодательство и экономика. 2007. № 11. С. 39–45.
 15. Потапенко С. В. Заметки по поводу несостоявшейся дискуссии о единстве судебной практики и правовой определенности // Российская юстиция. 2006. № 6. С. 35–38.
 16. Султанов А. Р. Правовая определенность в надзорном производстве ГПК РФ и практика Конституционного Суда РФ // Право и политика. 2007. № 5. С. 30–39.
 17. Ковтун Н. Н., Зорин А. А. Принцип правовой определенности в системе правовых позиций и итоговых выводов Конституционного суда РФ // Вестн. ВолГУ. Сер. 5. Юриспруденция. 2015. № 3 (28). С. 143–149.
 18. Пресняков М. В. Конституционная концепция справедливости // Изв. вузов. Правоведение. 2011. № 6 (299). С. 102–130.

Образец для цитирования:

Велиева Д. С., Пресняков М. В. Сущность принципа правовой определенности: в поисках конституционно-правового смысла // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 302–309. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-302-309>

Essence of the Principle of Legal Definiteness: In Search of Constitutional and Legal Sense

D. S. Veliyeva, M. V. Presnyakov

Jamila S. Veliyeva, <https://orcid.org/0000-0001-5860-7516>, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25 Sobornaya St., Saratov 41003, Russia, ya.wds05@yandex.ru

Mikhail V. Presnyakov, <https://orcid.org/0000-0001-8757-6392>, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25 Sobornaya St., Saratov 41003, Russia, presnykov1972@yandex.ru

Introduction. The article analyzes the principle of legal definiteness from the perspective of the role or function it performs in a legal system. **Theoretical analysis.** The article highlights that the category of “legal definiteness” cannot essentially be reduced to the concept of “definiteness of law” since it refers not only to the system of law, but also to a legal system in general. According to the authors, the concept of “legal definiteness” expresses a condition of definiteness of legal regulation of the real-life public relations, and in this sense it covers not only requirements of clarity, definiteness and coherence of precepts of law, but also definiteness of the actual legal status of legal entities. Rights and freedoms of the person and citizen define sense, contents and application of laws. Law represents the tool that provides a condition of legal definiteness of the public relations regulated by it. **Results.** The authors conclude that legal definiteness, which, in this context, represents the actual aspect of influence of law upon existing public relations,

really characterizes “not legal” or not absolutely legal phenomena. The substantial aspect of legal definiteness is connected more closely with identification of the valid sense of the subjective right, volume of the competences it includes, limits of its implementation, etc. than with definiteness of legal instructions. The principle of legal definiteness is expressed via the system of the legal tools that allow to provide, firstly, subject definiteness of the legal status of the person and citizen and, secondly, necessary stability of this status if the current legislation changes.

Keywords: legal certainty, certainty of law, the principle of legal certainty, legal status.

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project “Constitutional principle of legal certainty in the mechanism of realization of human rights and freedoms” No. 19-011-00418 A).

References

1. Presnyakov M. V. Legal certainty and principles of reasonable restraint of legislator: the problem of formal and material legal certainty. *Konstitucionnoe i munisipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2014, no. 4, pp. 3–6 (in Russian).
2. Dikarev I. S. *Printsip pravovoy opredelennosti i zakonnaya sila sudebnogo resheniya v ugovnom protsesse* [The principle of legal certainty and the legal force of a judicial decision in criminal proceedings]. Volgograd, VolSU Publ., 2015. 175 p. (in Russian).

3. Ershov V. V. Paired categories of “certainty of law” and “uncertainty of law”. *Opredelemnost' i neopredelemnost' prava kak parnyye kategorii : problemy teorii i praktiki* [Definiteness and uncertainty of law as paired categories: problems of theory and practice. Materials of the XII Int. sci. and pract. conf. In 3 pt.]. Moscow, RGUP Publ., 2018. Pt. I, pp. 12–42 (in Russian).
4. Sidorenko M. V. *Pravovaya opredelemnost' rossiyskogo ugovno-processual'nogo prava* [Legal certainty of the Russian criminal procedural law]. Diss. Dr. Sci. (Jur.). Krasnodar, 2017. 557 p. (in Russian).
5. Presnyakov M. V. Legal Definiteness: Formal and Material Aspects. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2014, vol. 14, iss. 4, pp. 669–674 (in Russian).
6. Guk P. A. Overcoming the uncertainty of legal norms. *Opredelemnost' i neopredelemnost' prava kak parnyye kategorii : problemy teorii i praktiki* [Definiteness and uncertainty of law as paired categories: problems of theory and practice. Materials of the XII Int. sci. and pract. conf. In 3 pt.]. Moscow, RGUP Publ., 2018. Pt. I, pp. 182–186 (in Russian).
7. Presnyakov M. V. Legal certainty and certainty of rights in modern constitutional and legal discourse. *Grazhdanin i pravo* [Citizen and Law], 2014, no. 4, pp. 3–16 (in Russian).
8. Vlasenko N. I. Methodological effectiveness of the study of legal certainty. *Opredelemnost' i neopredelemnost' prava kak parnyye kategorii : problemy teorii i praktiki* [Definiteness and uncertainty of law as paired categories: problems of theory and practice. Materials of the XII Int. sci. and pract. conf. In 3 pt.]. Moscow, RGUP Publ., 2018. Pt. I, pp. 57–63 (in Russian).
9. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended of 30.12.2008 no. 6-FKZ, of 30.12.2008 no. 7-FKZ, of 05.02.2014 no. 2-FKZ, of 21.07.2014 no. 11-FKZ). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398 (in Russian).
10. Pokrovskij I. A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The main problems of civil law]. Moscow, Statut Publ., 1998. 353 p. (in Russian).
11. Shafirov V. M. Content and formal certainty in law. *Opredelemnost' i neopredelemnost' prava kak parnyye kategorii : problemy teorii i praktiki* [Definiteness and uncertainty of law as paired categories: problems of theory and practice. Materials of the XII Int. sci. and pract. conf. In 3 pt.]. Moscow, RGUP Publ., 2018. Pt. I, pp. 260–274 (in Russian).
12. On the case of verifying the constitutionality of clause 3 of Article 1 of the Law of the Stavropol Territory “On recognition of invalid provisions of the legislative acts of the Stavropol Territory” in connection with the complaint of citizen M. S. Kolesnikova. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27.03.2018 no. 13-P. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
13. Mantashyan A. O. The Principle of Certainty in the Modern Civil Procedure. *Mirovoy sud'ya* [Magistrate], 2011, no. 5, pp. 18–20 (in Russian).
14. Sultanov A. R. Legal certainty and judicial rulemaking. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* [Legislation and Economics], 2007, no. 11, pp. 39–45 (in Russian).
15. Potapenko S. V. Notes on the failed discussion on the unity of judicial practice and legal certainty. *Rossiiskaia yustitsiya* [Russian justice], 2006, no. 6, pp. 35–38 (in Russian).
16. Sultanov A. R. Legal certainty in the Supervisory proceedings of the CPC of the Russian Federation and the practice of the Constitutional Court. *Pravo i politika* [Law and Politics], 2007, no. 5, pp. 30–39 (in Russian).
17. Kovtun N. N., Zorin A. A. The principle of legal certainty in the system of legal positions and conclusions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Science Journal of Volgograd State University], 2015, № 3 (28), pp. 143–149 (in Russian).
18. Presnyakov M. V. Constitutional concept of justice. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie* [Proceedings of Higher Education Institutions. Legal Studies], 2011, no. 6 (299), pp. 102–130 (in Russian).

Cite this article as:

Veliyeva D. S., Presnyakov M. V. Essence of the Principle of Legal Definiteness: In Search of Constitutional and Legal Sense. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 302–309 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-302-309>